

и отдаленнѣйшихъ кварталовъ города, прилежащемъ къ рѣкѣ. Въ этой новой обстановкѣ, грубой и бѣдной, для Гермины наступили долгіе и однообразные дни, въ которыхъ постоянныя лишенія и принужденное бездѣлье перемежались моментами остраго отчаянія, и въ которыхъ единственными свѣтлыми точками являлись частыя письма Бруно. Изъ этихъ писемъ она черпала надежду и новыя силы, чтобы переносить свое безрадостное одиночество. Почти каждый день писала она ему, но, конечно, остерегалась сообщать подробности своей жизни, чтобы не сдѣлать ему разлуку еще тягостнѣе.

Въ безотрадной картинѣ окружавшей ее лондонской прирѣчной жизни она улавливала черты, напоминавшія ей дѣтство, проведенное съ отцомъ на берегу Балтійскаго моря. Вообще близость любимой стихіи наполняла ее какой-то тихой меланхоліей, вполне гармонизировавшей съ ея душевнымъ настроеніемъ.

Прошли еще двѣ недѣли. Въ одинъ пасмурный вечеръ Гермина сидѣла въ своей темной маленькой квартирѣ, предаваясь мрачнымъ размышленіямъ, когда въ комнату неожиданно вошелъ Альфредъ Сальдингеръ. Она изъ писемъ Бруно уже знала о его предстоящемъ посѣщеніи. Изидора, успѣвшая еще въ Германіи за нѣсколько дней знакомства привязаться къ Альфреду всѣмъ своимъ дѣтскимъ сердцемъ, при видѣ его закричала отъ радости и бросилась обнимать его.

Альфреда сразу поразили блѣдный и изнуренный видъ Гермины; одного взгляда на эту мрачную обстановку ему достаточно было, чтобы понять происшедшую въ ней перемѣну. Но чего онъ не могъ объяснить себѣ,—эта какая-то безучастность, какое-то холодное отчаяніе, съ какимъ она его встрѣтила. У нея не нашлось слова, чтобы привѣтствовать его; ему казалось, что она въ отчаяніи ломала руки.

— Ради Бога, Гермина, что съ вами?

Она сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы хотя наружно успокоиться и попросила его отложить всѣ разговоры, пока она не уложитъ спать ребенка. Сдѣлавши это, она сѣла противъ него.

— Одинъ изъ вашихъ сослуживцевъ, Тюхеле, посѣтилъ меня нѣсколько недѣль тому назадъ. Что онъ за человекъ?

Альфредъ былъ изумленъ этимъ неожиданнымъ вопросомъ.

— Тюхеле—довольно пустой малый,—отвѣтилъ онъ.—Онъ любитъ дѣлать изъ всякаго пустяка секретъ, но въ сущности онъ болтливъ какъ сорока и всѣмъ сообщаетъ свои тайны. Но что можетъ быть общаго у васъ съ нимъ? Я знаю, что онъ